

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

А.В. Малинов

В.С. СОЛОВЬЕВ И Н.И. КАРЕЕВ (К истории взаимоотношений)

Трудно представить, какие мемуары мог бы написать Владимир Соловьев. Еще труднее предположить, сколько строк или страниц в них было бы посвящено Н.И. Карееву. Впрочем, мне вообще сложно вообразить Соловьева, пишущего мемуары. Конечно, он прожил недолго, но возраст не причина, чтобы отказать себе в удовольствии побродить по уютным переулкам памяти. Одно дело предаваться воспоминаниям и от случая к случаю их записывать, другое — целенаправленно реконструировать пережитое. Вполне в духе Соловьева поведать в частном письме или беседе забавный случай (почти анекдот) или метким замечанием очертить профиль чьей-нибудь нравственной физиономии. Но вот писать мемуары... Не тот темперамент, мемуары, как и дневник, требуют регулярности и в этом отношении они физиологичны. Их даже нельзя обвинить в субъективизме, что бросало бы тень на их возможную историчность. Исторические сочинения часто упрекают в субъективизме, хотя историография и претендует на объективность. Где субъективизм уместен, так это в автобиографии, относящейся в лучших своих образцах к исповедальному жанру. Мемуары же предполагают определенную долю исторического эгоизма, стремление навести напоследок порядок в интерьере собственной судьбы, вписать свою жизнь в рамку внешних обстоятельств, событий, вещей, других жизней. Мемуары — это своеобразное декорирование прошлого, дизайн минувшей жизни, ретроспективный натюрморт. Вот такого исторического эгоцентризма не было у Соловьева.

Не то Николай Иванович Кареев. Его память подобна Большому проспекту, на котором он жил, равномерно пересекаемому линиями. В его воспоминаниях пронумерованы все перекрестки. Один из них посвящен Соловьеву. Рассказами и свидетельствами Кареева обильно снабжена соловьевская биография, составленная С.М. Лукьяновым, да и в собственных мемуарах Кареев неоднократно упоминает Соловьева, что позволяет частично реконструировать их отношения. Из существую-

ющих работ, затрагивающих эту тему, можно в строгом смысле указать только на давнюю статью Е.Б. Рашковского [1, с. 79–84]. Комбинация фактов и подборка цитат дают возможность представить историю их взаимоотношений в виде нескольких биографических эскизов.

Прежде всего приходится признать, что Кареев и Соловьев были людьми довольно разными. Их общение едва ли можно назвать дружбой. Примечателен в этом отношении эпизод, приведенный С.М. Лукьяновым со слов Кареева:

«Как-то весной 1875 г., под вечер, к нему [Карееву — А.М.] пришли в гости Соловьев и А.А. Соколов. Н.И. Кареев был не совсем здоров и лежал на диване. Комната была полуосвещена, так как свет лампы скрадывался густым абажуром. Как бы забывши о присутствии того, кого они пришли навестить, Соловьев и А.А. Соколов продолжали начатый по дороге разговор. Оба приятеля относились к обсуждаемому вопросу, по-видимому, с большим интересом и притом совершенно серьезно. Соловьев развивал ту мысль, что у человека имеется особое тело — сидерическое, которому свойственно подвергаться атрофии, если человек долгое время не причащается св. тайн, а А.А. Соколов сообщал про свое наблюдение — после причащения испытываешь-де какое-то особенное чувство освежения и чистоты, как бы после бани. На вопрос Н.И. Кареева: "Что такое сидерическое тело?" Соловьев ответил: "Ты не поймешь"» [2, с. 142–143].

Объединяли Соловьева и Кареева не взгляды и убеждения, а общее отрочество и юность.

Знакомство Соловьева и Кареева началось с дружеской симпатии еще в гимназические годы, когда они вместе обучались в 5-й московской гимназии, т.е. с 1865 г., и достаточно активно продолжалось до конца 1870-х гг. Впоследствии между ними сохранились ровные приятельские отношения. Вот как об этом повествует сам Кареев:

«С Соловьевым я познакомился только перед экзаменом из третьего класса в четвертый [Кареев, так же, как и Соловьев, был сразу принят в третий класс 1-ой Московской губернской гимназии, из которой вскоре была выделена 5-ая гимназия — А.М.]. Болезненный, а, может быть, еще более изнеженный и избалованный, он часто манкировал вообще, иногда даже продолжительное время не появлялся в классе. Сошелся с ним я уже в четвертом классе и часто бегал к нему в здание университета, где в четвертом этаже, над залом Сената и канцелярией, была квартира его отца, знаменитого историка, в те годы декана историко-филологического факультета. Соловьев был самым молодым в классе, на два года и два месяца, например, моложе меня, он был развитее громадного большинства класса. Я очень скоро воспыпал самой нежной дружбой к нему и пользовался взаимным расположением. Когда я приходил к нему и уходил от него, мы целовались, как родные, чего в товарищеском быту совсем не было заведено. Комната Соловьева была общая с его бабушкой, старухой — матерью его отца, очень приветливой и добродушной, а свидания наши проходили большей частью не в одних разговорах об учителях и товарищах, но о том, кто что читал, и вообще о серьезных материях. Позднее стала затрагиваться и религия. Еще в четвертом классе, когда моя детская вера оставалась непоколебимой, как-то Соловьев, дождавшись ухода бабушки из комнаты, поспешил сообщить мне по секрету, что перестал верить в мощи. Позднее мы сообща

занимались вольнодумством, так что трудно решить, кто из нас кого "совращал". (Это нужно иметь в виду лицам, интересующимся Соловьевым и читавшим книжку о нем Величко.) По мере того, как мы подходили к концу гимназического учения, все больше в круг наших интересов входили научные вопросы, тем более, что мы оба решили стать филологами. Станным образом математика с большим трудом давалась Соловьеву, долго, например, не могшему справиться с доказательством равенства вертикальных углов, что заставило меня переложить эту теорему в стихи, вроде тех, в какие передавались некоторые правила исключений латинской грамматики. Соловьев стишки эти выучил наизусть и, отвечая урок, переводил их в прозаическую речь. Приятельские отношения между нами мало-помалу, однако все-таки [становились] более холодные, чем раньше, [но] сохранились до самой смерти Соловьева в 1900 г. За несколько дней перед его кончиной, в последнее наше свидание, мы долго с ним перебирали в памяти старых товарищей и общих приятелей: как нарочно, все, кого мы вспоминали, оказались умершими» [3, с. 101–102].

Из наиболее известных товарищей Соловьева и Кареева по гимназии можно упомянуть С.С. Корсакова, кн. Д.Н. Цертелева, Л.М. Лопатина, А. А. Исаева, А.А. Коротнева.

Конечно, «серьезные материи» не все время занимали подростков. Как вспоминает Кареев, в доме Соловьева, которого из-за его частых болезней обычно навешали друзья, они учиняли дружеские потасовки.

«В четвертом классе, — пишет Кареев, — мы еще были способны устраивать рыцарские турниры, причем я и Коротнев, как более сильные, сажали себе на загорбки Соловьева и Писемского и устраивали ристания. Это бывало не раз в квартире С.М. Соловьева, когда старших не было дома, вследствие чего мы вольны были шуметь, сколько нам угодно. Мы были, разумеется, на ты, но обычая не было называть друг друга уменьшительными именами: звали один другого по фамилии, а позднее по имени и отчеству» [3, с. 101; 4, с. 103].

Тогда же, в четвертом классе, Соловьев побудил Кареева начать изучение испанского языка. Скоро, впрочем, друзья охладели к занятиям [4, с. 130].

«Вольнодумство», о котором упоминает Кареев, наступило в шестом классе гимназии. Кареев говорит о «переломе в миросозерцании», «замене мистики и романтизма» на «трезвый реализм» и приводит конкретный пример творческой реализации такого «реализма».

«В новых своих мыслях я встретился с Соловьевым, который тоже доходил до конца. Когда из физики мы узнали, что плотность газа обратно пропорциональна его объему, Соловьев со своим обычным громким смехом сообщил мне, что в таком случае "Бог есть газ, плотность которого равна нулю". (С.М. Лукьянов, которому я и это сообщил, в своей работе о Соловьеве несколько иначе передал фразу.) Однажды мне в голову пришла идея кошунственного рисунка, понравившаяся Соловьеву: он попросил одного хорошо рисовавшего товарища сделать такой рисунок, не объяснивши, однако, ему смысла. Что вышло бы, если бы рисунок попался начальству? Некоторые товарищи знали о нашем настроении, но или подсмеивались, или не одобряли, но без озлобления» [3, с. 106].

Итогом «реалистических» воззрений стало увлечение позитивизмом, которое Соловьев вскоре преодолел, а Кареев, напротив, сделался одним из наиболее пло-

довитых популяризаторов и продолжателей этого учения в России. Возможно, последующее расхождение философских предпочтений и послужило причиной охлаждения в их отношениях.

Еще один, наверное, самый упоминаемый случай из гимназической жизни, относящийся к Соловьеву и Карееву, произошел в 1868 г. Кареев был наказан по инициативе учителя Томсона.

«Результатом было то, — пишет он, — что меня, не выслушав даже моего объяснения, наказали: посадили в темный карцер на четыре часа, постановили стереть мое имя с "золотой доски" и поставить тройку за поведение. Когда это было "торжественно" объявлено классу, Соловьев тотчас же стер губкой вообще все фамилии, бывшие на золотой доске (и свою в том числе), и отпер дверь чулана, в который меня посадили. [Соловьев был вторым учеником в классе, первым — Кареев. — *А.М.*] Я, однако, не захотел уйти, и только кощунственно осенил Соловьева широким крестным знаменем. Вышла новая история: на расследовании о "золотой доске" Соловьев сам сказал, что это было его дело, и по поводу всего этого директор [М.А. Малиновский — *А.М.*] всему классу прочитал нотацию, в которой предостерегал наших товарищей от нигилизма. Решение меня покарать было принято на каком-то частном совещании, но после поступка Соловьева был экстренно созван педагогический совет, бывший, кажется, довольно бурным. В конце концов, наши имена опять появились на "золотой доске", высокий балл по поведению мне был возвращен, а вся история предана была забвению» [3, с. 108].

Однако не только Кареев уберег этот случай от забвения, но и его гимназический учитель Е.В. Белявский [5, с. 57], а со ссылкой на Е.В. Белявского и С.М. Лукьянов [4, с. 121].

После поступления в Московский университет хронология взаимоотношений Соловьева и Кареева становится заметно более разряженной. Как отмечает Кареев,

«с Соловьевым, например, я стал видиться гораздо реже. Он поступил было, как и я, на филологический факультет, но сбежал на естественный, и в университете, не особенно им ревностно потом посещавшемся, мы не встречались, а жить он стал страшно далеко, в Николаевском институте, где его отец получил место инспектора классов» [3, с. 114].

Из запомнившихся событий Кареев описывает лишь случай с профессором римского права Н.И. Крыловым. Подвыпивший Н.И. Крылов позволил в компании студентов, среди которых был и Соловьев, несколько анекдотов и острот в адрес профессоров университета, в том числе и ректора, которым в то время был С.М. Соловьев. Реакцию Владимира Соловьева Кареев передает следующим образом: «С тем, до того момента безумно смеявшимся, сделалась настоящая истерика. Произошел переполох. Мне пришлось отвести Соловьева домой» [3, с. 124]. История не получила продолжения.

В июне 1873 г. Соловьев три недели гостил в имении Кареева Аносово в Смоленской губернии [4, с. 296, 311–313]. (Кареев упоминает о двухнедельном визите [3, с. 106].) В это время Соловьев уже выдержал экстерном кандидатский экзамен и намеревался поступить в Духовную академию, о чем он немногим раньше

сообщил Карееву в письме [6, с. 147–148]. Кареев уже работал над своим кандидатским сочинением по истории французского крестьянства, чем был занят Соловьев, он не помнил. Для совместного времяпрепровождения оставался вечер, который проходил в разговорах, пеших прогулках или катании на лодке по Днепру.

Из событий 1870-х гг. биографическое и мемуарное многостраничье приоткрывает лишь несколько сюжетов, рисующих и «дурачество», по выражению Кареева, и религиозно-мистические настроения Соловьева. О дурачествах, правда, Кареев лишь «припоминает», деликатно оставляя их в этом припоминаемом состоянии. Так, 16 января 1875 г. Кареев был приглашен к Соловьеву на день рождения (праздновали на квартире его отца).

«В гостях у 22-летнего новорожденного, — передает с протокольной точностью С.М. Лукьянов, — были также А.А. Соколов, Л.М. Лопатин и А.А. Шеншин-Фет. Обильно угощались шампанским и толковали про спиритизм. Н.И. Кареев высказался в том смысле, что если спиритизм — правда, то это очень интересная вещь: находясь в условиях загробного существования, можно будет материализовать себя, а затем наматериализовать омаров, шампанского и всякой всячины; когда же заболеешь от обжорства и такое житье надоест, можно будет все дематериализовать, упразднить. Соловьев много смеялся и заметил, что на том свете таких глупостей не захочется» [7, с. 77–78].

За два дня до праздничной пирушки, так оживившей спиритическими возможностями унылые перспективы загробного обитания, Соловьев прочитал свою первую лекцию о Платоне на Высших женских курсах и готовился к чтению лекций в Московском университете.

«Тогда же, — продолжает дотошный С.М. Лукьянов, — т. е. в первые месяцы 1875 г., среди знакомой молодежи Н.И. Кареева и Вл.С. Соловьева возник небольшой частный кружок в целях самообразования» [2, с. 141].

Кареев вызвался сделать «довольно обширный доклад о взаимных отношениях язычества и христианства». Широта темы, помноженная на научную основательность, к тому времени уже вполне освоенную Кареевым, грозила перерасти в цикл лекций. Задуманный им доклад должен был растянуться на три вечера и состоял из трех частей: разложение язычества, борьба христианства и язычества, торжество христианства.

«Соловьев, посещавший собрания кружка, — пишет далее С.М. Лукьянов, — присутствовал при двух сообщениях Н.И. Кареева, посвященных первой и второй теме. Заинтересовавшись ходом рассуждений, он попросил Н.И. Кареева уступить ему третий вечер, вместе с соответствующей темой — о торжестве христианства, на что тот и согласился. То, что предложил затем Соловьев членам кружка, оказалось уже не столько рефератом, сколько "проповедью". Свое сообщение он закончил чтением символа веры, и притом с чрезвычайным подъемом» [2, с. 141–142].

Вероятно, это единственный случай поочередного «соавторства» Соловьева и Кареева. Известно, что летом 1877 г. Кареев, ради свидания с Владимиром, посе-

тил семейство Соловьевых в Нескучном [4, с. 27], а во второй половине 1870-х гг. они изредка встречались в салоне В.И. Герье [3, с. 143].

Кратковременное возобновление более интенсивных отношений Соловьева и Кареева наступило в 1891 г., когда, оба редактировали (соответственно) философский и исторический отделы «Большого Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона. Но началось все зимой 1890-1891 гг. По инициативе Кареева был создан суд чести в связи с клеветническими слухами, распространяемыми приват-доцентом А.С. Трачевским в адрес Кареева. Соловьев был приглашен на этот суд в качестве суперарбитра [3, с. 198].

На этом, собственно, исчерпываются сведения, переданные Кареевым и с его слов воспроизведенные С.М. Лукьяновым. Кареев нигде не дает оценку творчества Соловьева, не упоминает развиваемые им идеи. Соловьев оставался для него только приятелем юности.

Другое дело — собственно философские, точнее, историко-философские воззрения Кареева. В них он радикально расходился с тем направлением, к которому принадлежал Соловьев, хотя никогда и не называл его имени. Философия истории, воздвигаемая на фундаменте положительной науки, осознает свою специфичность через противопоставление метафизике. Позитивная наука, а вслед за ней и кареевская философия истории антиметафизичны. Философия истории опирается на психологию и социологию. Историческая закономерность сводится к законам психологии и социологии. Демаркационная линия вычерчивается на противопоставлении опыта и умознания, явления и сущности.

«Для метафизики, — писал Кареев в главном своем философско-историческом труде "Основные вопросы философии истории", — сущность истории не в том, что можно узнать из ее явлений, а нечто, лежащее за пределами феноменального мира, а потому главная задача философии истории для метафизики — найти скрывающуюся за реальным процессом смены событий и фактов смену моментов некоторого сверхчувственного, идеального процесса, и главный метод — исследование не даного в опыте, а существующего в нашем уме» [8, с. 300–301].

Всякая метафизика в своих истоках субъективна, в то время как наука претендует на объективность. Это сближает метафизику с художественным творчеством. Поэтому Кареев пишет: «Метафизики суть поэты. Попавшие не на свои места» [8, с. 302] и, как правило, добавляет он, плохие поэты. В поэзии индивидуальные настроения могут соответствовать или, наоборот, противопоставляться объективному миру, во всяком случае они с ним соотносятся. Художник использует в своем творчестве живые поэтические образы. Метафизика же всего этого лишена, и Кареев поясняет ее в таких иронично-уничижительных выражениях, как «поплиная поэзия, облекшаяся в формы науки», «незаконнорожденные дети фантазии и абстракции», «наукообразный роман». Каждый метафизик создает новую систему, не связанную с другими или даже исключаящую их. Метафизика, внедряющаяся в философию истории, приводит к искажению фактов и одностороннему взгляду на вещи, а искомая сущность истории в конце концов обретается в субъективной индивидуальности.

История связана с природой, как органическое, эволюционирующее и развивающееся явление она вырастает из неорганического мира. Метафизика придает чрез-

мерное значение человеческой деятельности и истории: в жизни мирового целого и стремится связать историю с внешним, трансцендентным (у Кареева, трансцендентальным) мировым истоком.

«Особенность метафизических систем в философии истории, — пишет он, — заключается именно в желании связать жизнь человечества и его историю с трансцендентальным пониманием мира, видеть в человеческой истории не только высшее проявление мировой эволюции, но и цель всего мирового процесса, вследствие чего достижению предполагаемых целей истории приписывается громадное значение и для вселенной вообще» [8, с. 319].

Завершая обзор кареевских характеристик метафизической точки зрения в философии истории, приведу обширную и, несмотря на сдержанный тон, достаточно красноречивую цитату, относящуюся к философии истории Гегеля и Гартмана, из которой с большой долей вероятности можно вывести и оценку Кареевым философско-исторических построений Соловьева.

«Из этого видно, что метафизика стремится приписать человеческой истории такое громадное значение для самого мирового процесса, что цели истории перестают быть целями людей, а превращаются в конечный момент мирового процесса. Но, с другой стороны, философия истории тонет, однако, в метафизической истории вселенной, как капля реального мира в океане абстрактной поэзии и фантастической диалектики: она только часть другой истории, понятой так же, как и она сама, истории, в которой какой-нибудь односторонний сколок с природы стремится достигнуть мировой цели, понятой антропологически. Само собою разумеется, что это равносильно постановке понимания действительной истории в зависимости от представления о сущности мирового процесса, понятого в свою очередь только так, как можно понять историю сознательных существ, стремящихся к осуществлению известных идеалов, — и в конце концов приводит философию истории к подчинению чисто субъективному, полупоэтическому, полудиалектическому творчеству: она делается только частью грандиозного романа, возникшего в уме одного человека и не имеющего никакого научного значения. Метафизики не только не замечают всей произвольности подобного заключения истории в рамки созданной индивидуальным умом системы, но даже доказывают, что без метафизического принципа философия истории немыслима» [8, с. 323–324].

Наиболее интересный период взаимоотношений Соловьева и Кареева относится, пожалуй, к 1891 г. Соловьев, рано проявивший себя философским вундеркиндом, к началу 1890-х гг. разменивал свои системотворческие способности на журналистский заработок. Кареев также довольно быстро набирал вес в науке и к тому времени уже был маститым и многотомным ученым с философскими претензиями. И вот, в 1891 г. в десятой книге журнала «Вопросов философии и психологии» Соловьев опубликовал статью «Руководящие идеи "Исторического обозрения"», в которой вступил в полемику с редакторскими статьями Кареева «Разработка теоретических вопросов исторической науки» и «Философия, история и теория прогресса», помещенных в «Историческом обозрении» в 1890 и 1891 гг. Кареев, правда, об этой полемике не вспоминает. Не соглашается Соловьев прежде всего с признанием Кареевым вопроса об исторической причинности и связанного с ним

вопроса, о свободе воли в качестве основных теоретических проблем истории. По мнению Соловьева, проблематичность различения между индивидуальным и общим, отдельной личностью и народом, человечеством, на которое опирается учение об исторической причинности, не может быть разрешена самими историками. Вопрос об исторической причинности истолковывается Соловьевым как более широкий вопрос о единстве, которое представляет история.

«Для понимания процесса весьма сложного, — пишет он, — и, однако же, единого, какова история человечества, необходимо объяснить не только частные явления, его составляющие, но и единство, его образующее. Нужно найти как формальные причины этого единства, которыми определяется общий ход истории, так и окончательную цель всего процесса. Ближайшие причины исторических явлений суть, несомненно, единичные лица» [9, с. 365].

Только на почве телеологического перспективизма возможно истинное уяснение исторической причинности.

Соглашаясь с Кареевым в том, что «наступила пора для философского понимания истории» [9, с. 367], Соловьев уточняет, что он имеет в виду под философским пониманием истории. Для осмысления истории философия не нуждается в полноте исторических фактов. Здесь Соловьев присоединяется к историософской традиции, восходящей к П.Я. Чаадаеву и А.С. Хомякову, согласно которой необходимо осмысление уже имеющихся фактов, а не открытие новых. Фактографическая исчерпанность при философском подходе заменяется целостностью осмысления.

«Главное дело в том, — продолжает Соловьев, — чтобы осмыслить самое содержание истории, понять и объяснить ход исторического процесса в целом, без чего невозможно удовлетворительное понимание его основных факторов и частных фазисов. Вот для этой задачи действительно одинаково необходимы как историческая наука, дающая конкретный предмет для разумения, так и философия, которая указывает общие принципы и пути такого разумения» [9, с. 367].

Философия не дополняет, а, так сказать, восполняет историю.

Соловьев лаконично подводит итог размышлениям Кареева о соотношении науки и философии. Он пишет:

«Это воззрение на науку как на знание, подчиняющееся своему объекту, и на философию как на творческое мышление, выходящее за пределы объективной действительности, очень просто, но оно страдает весьма важным недостатком — полною неопределенностью основного термина» [9, с. 368].

Упирая на позитивистскую «простоту» как на главный недостаток, Соловьев замечает, что невыясненными остаются и понятие «объекта» и понятие «действительности». Подчинение действительности как феноменальной данности для науки не возможно. Непосредственный опыт часто обманчив. Наука может его корректировать, к нему возвращаться, но это же делает и философия. Понимание же действительности как того, что есть на самом деле, одинаково как для науки, так и для философии.

В основе ошибочных выводов Кареева, согласно Соловьеву, лежит необоснованное радикальное противопоставление субъекта объекту. Философия представ-

ляет субъективное отношение к объективным процессам, изучаемым исторической наукой.

«Но ведь человеку свойственно не только выражать субъективные требования, — возражает философ, — но и осуществлять их, т. е. превращать идеи в вещи; а "субъективное отношение" к исторической действительности требует и в известной мере достигает объективных в ней перемен, создает события и факты» [9, с. 369].

Человек не только оценивает и судит историю, но и действует в истории. Значит, субъективный момент, т. е. стремление к осуществлению идеальных целей, является частью объективной исторической действительности. В результате Соловьев делает следующее заключение:

«Нужно разделять не между субъективным и объективным, а между истинным и ложным, разумным и бессмысленным: ибо все истинно субъективное имеет тем самым и силу объективности» [9, с. 370].

Не согласен он и с вытекающим из противопоставления субъекта объекту безнравственным, чисто прагматическим отношением к природе. Человек, субъективно противопоставляющий свой внутренний мир природе, является результатом мировой эволюции, он един и солидарен с природой. Соловьев возражает, а порой и недоумевает по поводу более частных положений Кареева. Невыясненными и неубедительными, на его взгляд, в частности, остаются понятия «внутреннего смысла вещи» и «смысла жизни», узкое (социально-нравственное) понимание прогресса.

Полемическое восстание Соловьева против позитивистского упрощения философских проблем, а зачастую и их элиминации, не случайно. Духовная эволюция Соловьева и Кареева привела к тому, что они примкнули к разным философско-историческим традициям. Кареев, воспринимая историю как науку и разрабатывая, по преимуществу, теоретические и методологические вопросы, как самой научной формы истории, так и исторического процесса, пришел к необходимости обоснования положительной науки об общественных явлениях. Соловьев в крупных своих работах, таких, как «Чтения о Богочеловечестве», «Философские начала цельного знания», «Оправдание добра. Нравственная философия», статьях по национальному вопросу, а также публицистике 1890-х гг. стал выразителем историософской точки зрения. Понимая историю как богочеловеческий процесс, Соловьев видел в ней органический процесс развития или нравственного совершенствования, смысл которого состоит в единении мира и возвращении его к Абсолютному. В истории мы наблюдаем смену религиозных эпох, а в человечестве как субъекте истории — изменение религиозного сознания.

Литература

1. Рашковский Е.Б. О становлении двух тенденций культурной ориентации русской либеральной интеллигенции в семидесятые годы XIX века (Н.И. Кареев и В.С. Соловьев) // Материалы XXII научной студенческой конференции. Поэтика, история литературы, лингвистика. Тарту, 1967.

2. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Книга вторая. Пг., 1918.

3. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
4. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые года. Материалы к биографии. Книга первая. Пг., 1916.
5. Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861–1902 гг. М., 1905.
6. Письма Владимира Соловьева. Т. IV. Пг., 1923.
7. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Книга третья. Выпуск I. Пг., 1921.
8. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. В 2 т. Т. 1. М., 1883.
9. Соловьев В.С. Руководящие идеи «Исторического обозрения» // Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. СПб., 1912.